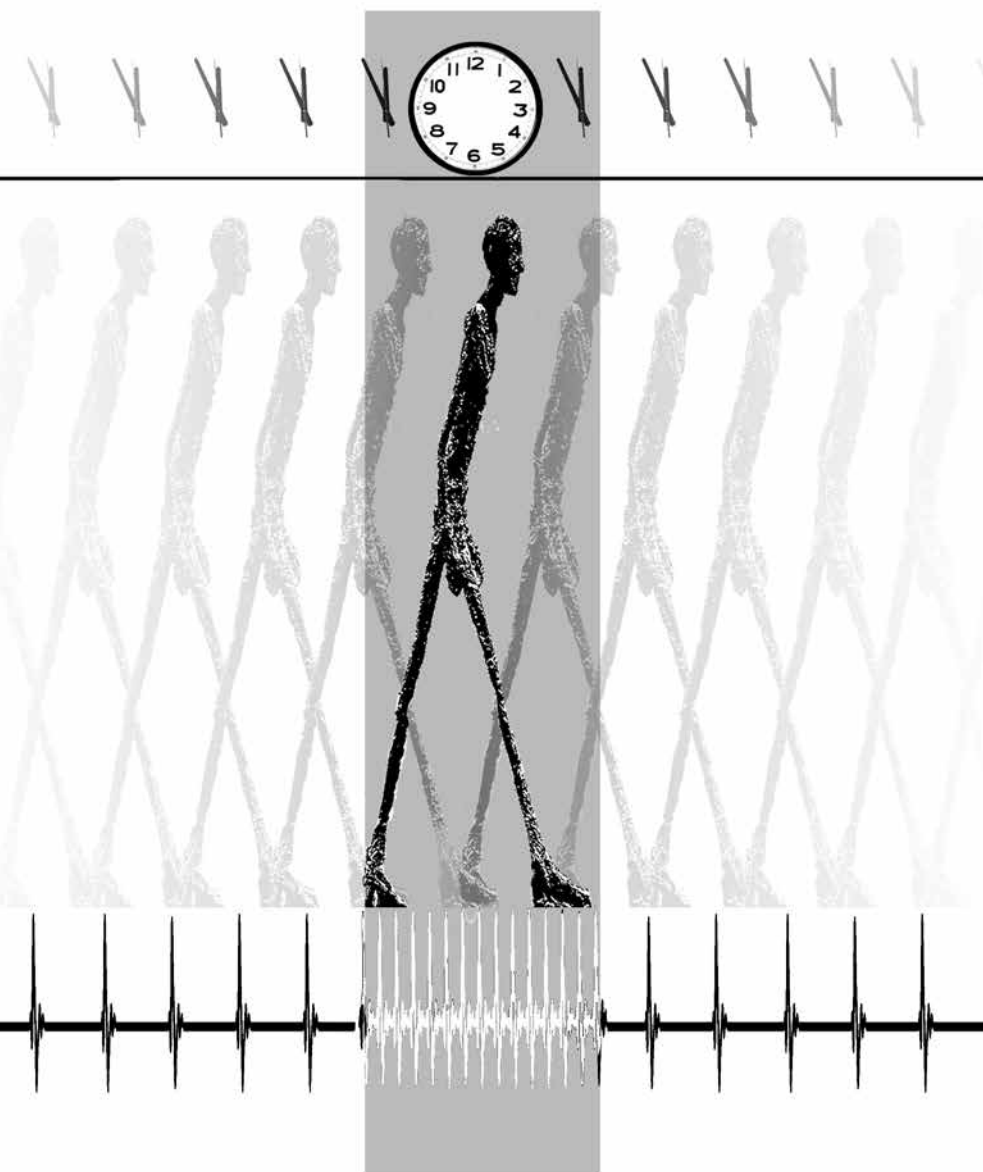

ТОРЧЫ

«Время сжигает годы и людей».

Рэй Брэдбери

«Все, что возможно, требует существования».

Готфрид Лейбниц

Статус

Считается, что причины в прошлом, а следствия в будущем. Ну, одна из версий простой галактики. В сложных конфигурациях, не линейных, все может быть и наоборот, и тем, кто живет там, им, наверное, веселее.

Впрочем, и в нашей не скучно, если жить по своим правилам, а не по общепринятым. При этом надо не попадаться на глаза социуму, иначе придется жить по правилам не своим.

Геннадий изначально был рожден быть в своей вселенной — он вместе был с ней рожден. Она была в нем, а он в ней. Как они уживались? Непросто. Но хуже было со всеми остальными, с кем Геннадий был так или иначе вынужден или, что бывало редко, хотел общаться.

Вечерами и ночами, когда он оставался один, вселенная выслушивала его монологи, они были экспрессивны и полны удручающей лексики. Вселенная слушала, но не слышала, и это было прекрасно. Это несло к утру успокоение и возможность продолжать жизнь.

Ладно, вступление скомкано и непонятно, но прошли. А теперь поехали — посмотрим, удастся ли нам вырулить на финальную горечь. Итак, впереди у нас Нонна.

Нонна

В жизни каждого человека есть своя Нонна. Не в смысле имени, а в смысле существа, персонажа, наделенного определенным набором качеств. Ну, вы понимаете. Нонна — это Нонна. Вот и у Геннадия такая была. Ее звали Света.

Она появилась в его жизни, когда он играл в баскетбол после уроков. Как-то после игры он пошел в душ, вернулся — а кроссовок нет, вот такая ерунда. Он вышел одетый, раздумывая, где найти обувь, чтобы дойти до дома. А тут она, Света, идет на свою гимнастику. Ну, он еще этого не знал, а она, увидев его босые ноги, засмеялась. Он развел руками — типа не смешно ни фига. Украли обувь.

— Искал?

— Искал.

— У меня есть шлепки для душа — хочешь, дам? Дойдешь как-нибудь.

— А ты?

— Тебе нужнее, — она опять рассмеялась. — В следующий раз только принеси.

— Обязательно, спасибо.

Она развернулась и пошла.

Следующий раз

Случился он не скоро — лет через пять. В институте. Был какой-то праздник у однокурсника, и в компании оказалась Света. Она обрадовалась, он удивился.

— Шлепки, — напомнила она.

— А, точно. Тебя не узнать.

— Неужели?

— Точно.

— Ты с кем?

— Сам.

— И я сама, хотя я Вальку знаю давно. Мы даже пытались жить вместе.

— Во как. Не сошлись характерами?

— Ну типа.

— Сложно?

— Просто.

— Надоед?

— Да.

— Занудный?

— Откуда ты все знаешь?

— Ладно, остынь, я ничего не знаю. Просто тыкал наугад.

— А, понятно.

— Чем занимаешься?

— Я логопед. В поликлинике работаю.

— Ничего себе. А я инженер.

— Вот это действительно ничего себе.

— Считаешь, что логопед более распространенная профессия?

— Ага, — она засмеялась, он вспомнил.

Пульс

Жив он или нет, Геннадий определял по пульсу. Нет, ну правда. Если пульс его учащался, значит, он жил. А нежизнь определялась сама. В эти часы пульс его был очень редок. У него была брадикардия. Такой фигой врачи называют сниженное сердцебиение.

Так вот, Геннадий любил пульс от ста и выше. Это он считал жизнью. И еще именно такой пульс позволял ему забывать рутину и оказываться в своей вселенной. Он просто переставал замечать все вокруг, и когда пульс садился обратно, не всегда помнил, где был и что делал.

Он был не вполне обычным инженером, он адаптировал плоды промышленного шпионажа во что-то, что могли понять команды, которым предстояло копировать украденное. Он объяснял, отвечал на вопросы и следил за развитием событий восприятия и включенности.

Ладно, скажем проще: он был наблюдателем и оценщиком результатов. Он докладывал об итогах. Оценивал способность инженеров выполнить работу и прогнозировал сроки изготовления изделий.

Стало еще непонятней? Ну тогда уж и не знаю. Короче, он был умный и проверял, есть ли еще умные. Ну типа учитель. Вот, может, так лучше?

Штуковина

Однажды в их шарагу поступил набор документов. В основном чертежей, скаченных хакерами на одном странном сервере. Хакеры не знали, чей он, не знали, про что документация, знали, что ломались совсем не туда, но оказались там, где не знали. Прихватили что успели, пока их не выперли. Причем так, что казалось: там, где они были, этого места никогда не было.

Начальство поручило Геннадию разобраться. Он разобрался, но объяснить не смог. Он считал, что надо попробовать сделать «это» по чертежам, и тогда все станет все понятно. Начальство согласилось.

Начали делать. Старались, ничего не получалось, правда. То ли материалы были не совсем те что нужно, то ли станки не давали нужные допуски. Короче, все затягивалось. Да и не нужно было особенно никому. Так, причуда. Но...

Сон

Геннадию приснился сон, в котором некий стеклянный ящик, прям как сосуд Пандоры, объяснял ему про спертые чертежи и почему не получается.

— Ты же понимаешь,— говорил ящик. Вернее, он не говорил, но Геннадий понимал.— Ты же понимаешь, что это вот предсказатель вероятности правильности выбранного пути. Решения. Не важно какого. Не важно про что. Уравнитель смысла, вычислитель бессмысленности. Понял?

Как-то Геннадий дал понять, что да, вроде понял. Вероятности Пуанкаре, фракталы и прочие Тьюринги: как говорится, «мы знаем слов».

— Ну так вот,— сказал ему дальше ящик-сосуд.— Пользоваться этим нельзя, поэтому у вас и не получается.

— А откуда это взялось, да еще в подробных чертежах?

— А это приснилось одному черту типа Маска. Он визуализировал сон, ибо спит с электродами, и дешифровать смог, а дальше-то никак.

Тут появилась его Нонна в виде Иры, была такая у него — да, на работе познакомились,— и сказала, что хакеры, ну те, которые ну ты понимаешь... так вот их больше нет.

— Как нет?

— Ну вообще их больше нет.
— Да ладно, — удивился во сне Геннадий так, как и наяву не удивлялся. — А что, так можно?
— Кому-то, наверное, да.
— Ира!
— А?
— А где Света?
— Она с хакерами пропала.
— Она их что — знала?
— Выходит, что так.
— Чудеса.
— В полный рост. Ладно, я побежала, у меня ноги замерзли. Пока!
— Пока, — сказал Геннадий.

И думаете, он проснулся после этого? Да ничего подобного, он еще битый час доказывал ящику прозрачному, что так не может быть, не могла Светка исчезнуть, не такой она человек.

Ящик вяло поддакивал, а потом встал и ушел. Вот только по спине его Геннадий понял, что это его знакомый Егорыч, работает у них, протирает контакты. Очень ответственная работа.

Робот

Геннадий с утра был на работе. Всех построил, всех заставил разобрать и собрать снова. Предложил называть изделие роботом. Ну чтобы как-то называть. Несколько раз звонил Светке, трубку она не брала. Позвонил Ире. Она пришла.

— Чего тебе?
— Мы с тобой вчера ничего такого не делали?
— Особенного ничего, ты гудел про какой-то вычислитель мощности, потом как обычно, а потом я заснула.
— А я?

— Не знаю, встал и пошел куда-то, но это уже без меня.

— Мне сон чудной приснился.

— Типа мы голые на площади?

— Смешнее. Ты мне рассказала, что Светка ушла с хакерами.

— Это я могу, я ж ее ненавижу, прям как Нонну. Нет, Нонну сильнее.

Они еще долго пререкались. Толку он не добился никакого. Хотя какой мог быть из всего этого толк? Потом спросил:

— У тебя нет такого ящика прозрачного?

— Есть, мне его на прошлый день рождения подарили коллеги. А что?

— А где он сейчас?

— Понятия не имею.

— Вот-вот.

Испытания

Пересобранный робот уже не выглядел таким уж нерабочим. Подавал некие признаки работоспособности. Решили тестировать. Геннадий всех выгнал и спросил:

— Хакеры живы?

— Некорректный вопрос.

— Где Света?

— Некорректный вопрос.

— Зачем ты нужен?

— Считаю вероятности.

— Ранжируешь вселенные?

— Ты смысленый. Смотри, переведут в менее ранговую вселенную.

— Насрать. Смерти нет?

— Некорректный вопрос.

— Все есть и всего нет?

— Зависит от координат.

- Разве пространство влияет?
- Нет, только восприятие.
- Кто тебя сделал?
- Некорректный вопрос.
- Цикличность?
- Не абсолютна.
- Почему ты решил?
- По твоей тоске.
- Ни фига.
- Отключи меня, мне надо отдохнуть.

Геннадий выключил робота, которого теперь хотел называть машиной. Ну какой это робот, думал он, это натурально машина для коктейлей. Иллюзии, смыслы, ожидания, сны, надежды и все что угодно еще.

Пустота

Геннадий сидел напротив себя и пытался найти в пустоте, которая вдруг заполнила все его сознание, хоть что-то, не важно что. Какой-то крюк действительности, то, на чем можно повиснуть и ждать прихода весны. И когда пустоту наполнит хаос, незаметно смыться в почти достроенное свое небытие. Но это надо еще заслужить.

Света опять спрашивала, где ее шлепки.

- Скучаешь?
- Очень.
- Я тоже, но не знаю, по чему.
- Да ладно.
- Ну хорошо, знаю-знаю. По возможности снова идти в твоих шлепках.
- Извращение.
- Узнавание.
- Бред.
- Нет, понимание не умом.
- Подсознание?
- Нет.

- А что тогда?
- Несознание. Вот по чему я скучаю.

Преппирательства

Он опять пытался разговаривать с машиной.
Ну, в смысле с бывшим роботом.

— Что наступает быстрее — умопомешательство или принятие бесконечности?

— Это зависит от исходных данных.

— А как с несознанием?

— Некорректный вопрос.

— Вычисляя возможности и ранжируя вселенные, не пребываешь ли ты в ложном мире?

Молчание.

— Тебя сделали сознательно?

— Некорректный вопрос.

— Способен ли человек или нечеловек воспринимать горечь утраты несознательно?

— Некорректный вопрос.

— А какой вопрос сейчас был бы корректным?

— Который час?

